

Е. Г. Федорова

**«ОДНОГО КОРНЯ ЛЮДИ» И ДРУГИЕ ВИДЫ
РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
У СЕВЕРНЫХ МАНСИ
(По материалам
последней четверти XX — начала XXI в.)**

Вопросам социальной организации обских угров (хантов и манси) в целом и манси в частности в этнографической литературе было уделено немало внимания (обзор и современное состояние вопроса см.: [Соколова 2005а, б]). Как писала в своей обобщающей работе крупнейший специалист по вопросам социальной организации обских угров З. П. Соколова, «имеющаяся литература отражает многообразие форм социальной организации обских угров в разные периоды их развития. Различные территориальные группы обских угров развивались несинхронно, что усложняло картину их социальной жизни» [Соколова 2009: 318].

Основная проблема касается наличия (или состояния при условии ее наличия) родовой организации у обских угров в период после присоединения к Государству Российскому. Вторая проблема — сохранение пережитков так называемой фратриальной организации манси и хантов. В исследованиях последней четверти XX в. заметны акценты на вопросах, связанных именно с этим явлением.

Известный специалист по этнографии и археологии обских угров В. Н. Чернецов в своих ранних работах (1947) признавал наличие рода у хантов и манси. Позднее он стал использовать понятие «генеалогическая группа» [Чернецов 1971: 80]. З. П. Соколова считает, что в XVIII — начале XIX в. род как социальная единица у этих народов отсутствовал, при благоприятных же

условиях в роды могли превратиться генеалогические группы, дифференциация на которые началась «в недрах дуально-фратриальной организации обских угров в XVII–XVIII вв.» [Соколова 1983: 156]. Термин «генеалогическая группа» больше всего подходит для обозначения обско-угорского кровнородственного объединения «с определенным самоназванием и дуальной экзогамией, с культом предка данной группы. Для нее характерны общее кладбище, общая территория угодий, которые могут быть распределены между отдельными семьями, общий фонд наследственных, или предковых, имен-душ. Генеалогическая группа очень похожа на род, ее отличие от рода — отсутствие собственной родовой экзогамии, господство дуальной экзогамии. В отличие от родов, такие группы были более аморфны... Генеалогическую группу можно локализовать в рамках селения-юрты, населенного представителями одной фратрии» [Там же: 156–157].

Другие исследователи (Н. А. Миненко, А. И. Пика, Е. П. Мартынова) применяли по отношению к подобным группировкам понятие «патронимия». В работах последних лет по северным группам обских угров снова стал использоваться термин «род» (Е. В. Перевалова, Е. П. Мартынова). Не вдаваясь в подробности проблемы, следует отметить, что такие разночтения в определении одной из основных ячеек социальной организации обских угров, как представляется, вызваны попыткой уложить в классическую схему, с выявлением последовательности этапов, сложный культурный феномен, содержащий в себе разностадиальные элементы, которые заняли свое место в социальной структуре и благополучно сосуществуют даже в наши дни у сохраняющих традиционную культуру (или отдельные ее черты) групп хантов и манси. Нельзя не учитывать и того, что после ликвидации княжеств — потестарных образований, возникших перед включением предков современных хантов и манси в состав Государства Российского и существовавших в течение некоторого времени после этого включения, во многом, в том числе и в сфере социальных отношений, обские угры оказались отброшенными назад.

Как отмечал В. Н. Чернецов, такая система — деление на роды/генеалогические группы/патронимии — сложилась в ре-

зультате дробления крупных экзогамных общин. Выделившиеся из их состава подразделения заселяли близлежащую территорию, образуя кровнородственные территориальные группы, сохраняя общую фратриальную принадлежность, но вырабатывая при этом, в силу определенной территориальной разобщенности, собственную локальную специфику языка и культуры (в том числе орнамент, отражающий тотемный облик мифического предка) [Чернецов 1953: 62]. В эпоху раннего железа, по мнению В. Н. Чернецова, на базе таких родственных родов сформировались эндогамные территориально-племенные образования «с оттенком военных оборонительно-наступательных организаций» [Там же]. В дальнейшем эти подразделения могли мигрировать в другие районы, дробиться уже на новых территориях.

В XVIII — первой половине XX в. в мансийских селениях могли проживать представители нескольких таких групп или фамилий, но какая-то из них была главной, основавшей селение, которое считалось ее «местом».

Одно из обозначений рода/тотемно-генеалогической группы, применявшееся у манси в XX в., — *опарись* (*она* — ‘дед по отцовской линии’, *опарись* — ‘предки’, *опарись нам* — ‘фамилия’), буквально ‘имя деда (предка) по отцовской линии’ [Чернецов 1947: 159]. Про представителей такой группы говорили *акв рут*, *акв опарись* (‘один род, один предок’), они имели общую фамилию, браки между ними были запрещены.

Анализируя данные о роде в целом у хантов и манси, З. П. Соколова писала: «...все признаки так называемого рода относятся к объединениям различного типа» [Соколова 1983: 119]. Материалы о роде приведены в общей форме, а признаки рода, его основные черты реконструированы, нет наименований по родам в архивных материалах, в то время как подобные сведения присутствуют в документах по другим народам Сибири. С конца XVIII в. у манси, как и у хантов, прочно утвердились фамилии, образованные, как правило, из отчеств, а те — из имен или прозвищ.

Поскольку я много занималась современным состоянием этнической культуры обских угров, меня в первую очередь интере-

совало то, сохраняются ли традиционные институты, явления, элементы культуры. Если сохраняются, то полностью или фрагментарно и как к этому относятся и что об этом говорят современные информанты. Естественно, какой-то материал был «попутным» и, соответственно, лишь частично отражал реальную ситуацию. Вместе с тем его введение в научный оборот представляется необходимым — как дополнение к уже существующим публикациям в плане пополнения базы данных и, возможно, для выводов, которые могут сделать специалисты, работающие в области, в данном случае — социальной организации. Здесь представляется уместным привести мнение некоторых информантов относительно традиционной социальной организации северных манси.

Информанты из числа северных манси последней четверти XX в., при уточнении вопросов, связанных с традиционной социальной организацией, использовали слово «род» (*рут*). Некоторые из них считали его заимствованием из русского языка. Но в этот термин вкладывали разное содержание. В частности, *рут* — родня только по отцу. По другим данным, *рут* — родня не только по отцу, но и по мужу, и по матери. По словам другого информанта, *рут* — родня по отцу и по матери. Были зафиксированы термины *атям рутыт* ‘моего отца родня’, *омам рутыт* ‘моей матери родня’. Семью же в целом назвали *кол тагыл* ‘полный дом’. Встретился термин *пусын акв махум*, его перевели как ‘один род’, буквально ‘все вместе люди’ (причем в эту категорию включили и невесток).

Информантка 1948 г.р., носительница мансийского языка, закончившая Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, перевела слово «рут» как «фамилия, род». По объяснениям другой информантки, считается, что от одного корня вышла родня. Корень вытаскивают из земли — много ответвлений. Отсюда и название *акв тарныл миам махум* — ‘одного корня люди’.

Термин *рут*, по словам современных информантов, может относиться к представителям одной фамилии; выходцам из одного селения; родственникам по *най-отыр* ‘ам (богатыршам и богаты-

рям, героям, князьям); родственникам «по богам». Получается, что это любые родственники («родня»). Видимо, правильное предположить, что плохое знание родного языка и культуры собственного народа приводит к разночтениям, примеры которых здесь приведены. Впрочем, нельзя исключать и того, что все эти примеры характеризуют неясную ситуацию относительно родовой организации северных манси, отмечаемую, как уже говорилось, исследователями.

Интересно подчеркнуть и такой момент. Еще во второй половине 1970-х годов некоторые манси в качестве подписи использовали тамгу. Тамги фиксируются и в похозяйственных книгах более ранних лет. Особенно много их удалось скопировать в Няксимвольском сельсовете из похозяйственных книг 1950-х — начала 1960-х годов (всего около 60). Это наиболее отдаленная часть территории Березовского района Тюменской области, в котором и проживает основная часть северных манси. Данный факт не говорит о том, что по другим сельсоветам этого периода тамги не фигурировали в качестве подписи в различного рода документах — с этими документами не удалось поработать. Интересен вопрос, который, к сожалению, не удалось выяснить при беседах с информантами: чью тамгу ставила женщина — отца или мужа (заметная часть лицевых счетов в похозяйственных книгах была подписана женщинами как главами семей). В ответах присутствовали оба варианта. Сами же знаки в некоторых случаях у однофамильцев слабо различаются. Определить степень их родства было сложно, поскольку не всегда совпадали отчества и не было возможности провести опрос нужных информантов. Но есть явно тамги родственников, в частности братьев. По сведениям, полученным ранее от информантов, тамга переходила от отца к старшему сыну. Для остальных сыновей эта тамга — основная — дополнялась какими-либо линиями [Федорова 1996: 306].

Сведения о рут были получены от людей старшего поколения. Самой молодой среди них оказалась уже упоминавшаяся здесь информантка 1948 г.р. От информантов этой же возрастной категории удалось зафиксировать и термины родства и свойства. Наиболее знающими они оказались и в тех вопросах, которые

касались фратриальной организации, о которой будет сказано ниже.

Понятие *рут* пересекается с понятием *пупых-сир*. Все фамилии, имевшие одного общего духа-покровителя, объединялись в группу *пупых-сир* (родственники по духу, богу по мужской линии).

Одной из проблем для этнографов является определение содержания понятия *сир* у манси и северных хантов. Для последних разграничиваются понятия *рут/рат/рэт* и *сыр/сир*: первая форма родства основывается на реальном генеалогическом родстве, вторая — на идеологическом, что позволяет включать в круг родственников инородцев и даже иноэтнические компоненты (см., например: [Перевалова 1997: 17; Мартынова 2000: 43]). В целом же, *сыр/сир* в этнографической литературе трактуется как обозначение рода, фратрии и каких-либо групп непонятного содержания.

Как представляется, дело здесь не только в сложности и вариативности социальной организации обских угров, но и в особенностях их языков и письменности. Если ориентироваться на словари, то обнаруживается несколько значений слов *сир/сыр*, в том числе и никак не связанных с социальной организацией. В частности, мансийское *сир* в современном языке употребляется в значении 'шест' [Ромбандеева 2005: 353]. Не дают однозначного толкования термина *сир/сыр* и современные информанты-ханты [Перевалова 2004: 226–227]. У информантов-манси, хорошо знающих язык и культуру (р. Северная Сосьва), вопрос о том, что такое «сыр, сир», вызвал недоумение. Ответ был таков: это слово отдельно не употребляется, его нужно переводить как «по-» [АМАЭ: Федорова 1999: 34], то есть мансийское *сир*, *сырыл* — послелог, используемый для образования наречия образа действия. Из этого следует, что данный термин не относится к какой-либо сугубо конкретной единице социальной организации. Он применяется для обозначения любого родства (по крови, духам и т.д.). Здесь можно привести пример из работы А. Н. Баландина, где он рассуждает о суффиксе *с'и* в связи с названием групп деревьев — в значении предметов, соединенных вместе [Балан-

дин 1957: 66]. В принципе такой же трактовки придерживается и Е. В. Перевалова: *сир* — это «общность», «соединенность» [Перевалова 2004: 227].

Следующий вопрос касается фратриальной организации. У части групп хантов и манси уже давно выявлено деление на две половины: *Пор ёх* (хант.), *Пор махум* (манс.) и *Мось ёх* (хант.), *Мось махум* (манс.), где *ёх* и *махум* означает 'народ, люди' — соответственно, 'люди Пор' и 'люди Мось'. Об этом существует достаточно обширная литература. Возможно, определенное внимание в последние десятилетия именно к этому вопросу было вызвано тем, что пережитки фратриальной организации в данный период были более выражены по сравнению с тем, что осталось от других традиционных социальных институтов, материал по которым уже слабо фиксировался (речь идет о северных группах обских угров). Кроме того, в то время, когда этот вопрос стал одним из наиболее актуальных, было мало исследователей-угроведов. Ограниченное время работы в поле, в определенной мере строгое следование в плане сбора информации заданным научным темам, невозможность опубликовать все собранные во время экспедиций или работы в архивах «попутные» материалы (эта проблема существовала всегда, не исчезла она и в настоящее время) также могли исказить реальную ситуацию. Нельзя не отметить и то, что в процессе исследований необходимо было «вписаться» в идеологические и теоретические установки того времени, не всегда совпадавшие с тем, что этнографы наблюдали во время своей полевой работы. Сказанное касается не только традиционной социальной организации обских угров, но и многих других аспектов их этнической культуры. Необходимо в очередной раз подчеркнуть, что этническая культура различных групп хантов и манси — и на современном этапе — настолько разнообразна, что фиксация и изучение их локальной специфики могут не просто расширить наше представление об этих народах, но и привести к решению многих вопросов, связанных с их этногенезом, этнической историей, культурогенезом.

Естественно, термин «фратрия» в беседах с информантами не фигурировал. Речь всегда шла о «людях Пор» и «людях Мось».

Частично полученные мною материалы были опубликованы [Федорова 1998: 129–131], но к некоторым из них хотелось бы вернуться в связи с тем, что, во-первых, вопрос о фратриях по-прежнему представляет интерес для исследователей, во-вторых, пережитки этого социального института продолжают существовать и в начале XXI в.

Так, по полученной во время экспедиций информации, принадлежность к Пор и Мось определяют по семьям. По семьям — это значит по фамилиям. Счет идет по отцу. Фамилии же, даже сейчас, у северных манси достаточно жестко привязаны к определенным селениям, в том числе и к исчезнувшим во второй половине XX в. На рубеже XX и XXI вв. память о том, где чье «место», то есть какая фамилия откуда происходит, еще сохранялась. Правда, есть исключения, относящиеся к фамилиям, которые, по словам информантов, «ближе к Уралу». Также не могли определить принадлежность к Пор или Мось манси, которые состояли в браке с русскими.

Нужно отметить еще один важный момент. Представители каждой из фратрий характеризовали «своих» положительно, «чужих» — отрицательно. Это не согласуется с известными по литературе текстами, где люди Мось однозначно наделяются положительными качествами, а люди Пор — отрицательными.

Более четко на вопрос о принадлежности к Пор или Мось отвечали люди пожилого или среднего возраста, преимущественно женщины. Они могли обозначить принадлежность к той или иной фратрии практически всех известных им фамилий. Мужчины владели этой информацией в меньшей степени.

Определенные представления о некоторых функциях фратриальной организации существовали и у местных жителей, не относящихся к коренному населению. В частности, в случайном разговоре с сотрудницей одной из сельских администраций по ее инициативе был затронут вопрос о брачных связях (одна из основных функций фратриальной организации — регулирование брачных связей) между манси — обитателями того поселка, в котором она проживала, и других населенных пунктов. Она очень четко обозначила ориентацию этих связей, назвав деревню, из

которой предпочитают брать жен мужчины-манси ее поселка. На вопрос, почему берут жен оттуда, она дала ответ, разъяснение которого требует дополнительных исследований: «Там женщины воинственные».

Интересно отметить, что на рубеже XX–XXI вв. не исчезла и некоторая специфика в обрядности этих фратрий, есть данные о соблюдении запретов на браки внутри них, хотя на периферии мансийского ареала таких запретов, возможно, и не было. В частности, по словам верхнеляпинских манси: «...здесь все Мось, поэтому Мось на Мось женятся».

Таким образом, на рубеже тысячелетий у северных манси, во всяком случае в сельской местности, продолжали сохраняться пережитки фратриального деления. Зафиксированные отголоски наличия рода не проясняют вопросы, уже давно поставленные в этом отношении в этнографической литературе. Возможно, нужна другая теория?

Источники

АМАЭ. Федорова Е. Г. Материалы экспедиции в Березовский р-н Тюменской обл. (манси верховьев Северной Сосьвы). К. I. Оп. 2. № 1733.

Библиография

Баландин А. Н. О происхождении самоназвания маньси // Уч. зап. Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Л., 1957. Т. 132. С. 65–68.

Мартынова Е. П. Ханты: этническая и социальная структура в XVII — начале XX в.: автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 2000.

Перевалова Е. В. Этническая история северных хантов (обдорско-куноватская группа) в XVII — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997.

Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история / отв. ред. А. В. Головнев. Екатеринбург, 2004.

Ромбандеева Е. И. Русско-мансийский словарь. СПб., 2005.

Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода / отв. ред. В. А. Александров. М., 1983.

Соколова З. П. Социальная организация // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / отв. ред.

И. Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. П. Соколова. М., 2005а. (Манси). С. 259–264.

Соколова З. П. Социальная организация и общественный быт // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / отв. ред. И. Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. П. Соколова. М., 2005б. (Ханты). С. 133–141.

Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М., 2009.

Федорова Е. Г. Тамги северных манси (по материалам второй половины 1970-х — начала 1990-х годов) // Символы и атрибуты власти / отв. ред. В. А. Попов. СПб., 1996. С. 301–316.

Федорова Е. Г. Люди Пор и люди Мось в представлениях современных манси и хантов (по полевым материалам последней четверти XX в.) // Материалы полевых этнографических исследований / отв. ред. Е. Г. Федорова. СПб., 1998. Вып. 4. С. 124–134.

Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров // СЭ. 1947. Т. 6–7. С. 159–183.

Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. Материалы и исследования по археологии СССР / под ред. А. В. Збруевой. М., Л., 1953. № 35. С. 7–71.

Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. Ч. 2 // Свод археологических источников / под общ. ред. акад. Б. А. Рыбакова. М., 1971 (В-4-12).

Abstract

This article purposes to compare the information received by the author during field work among the northern Mansi in the last quarter of XX — the beginning of the XXI century, and the data on types of the related relations published in ethnographic literature concerning northern Mansi and Khanty. It is focused on the categories of the population keeping ideas of traditions in this area.